

звать следующей реплики Пятакова: «Это на манер Керенского – о восстании рабов. Чернь, способная ниспровергнуть власть, но не способная строить новую». На это Гендельман ответил: «Это не была, конечно, чернь, но был уже распыленный разочаровавшийся народ в силу гражданской войны и в силу обманчивых лозунгов, которые вы дали... Единственная и главная мысль, которая была у трудовых масс – это, чтобы у них была возможность свободно заняться трудовым хозяйством, не принимая участия в гражданской войне... Вот это состояние масс, состояние усталости и апатии, которое не позволяло передовому крестьянству предвидеть, что нужно его активное и деятельное участие в создании новой жизни, в отстаивании его власти, власти против опасности наступления большевистского фронта, оно не позволяло ему предвидеть, что ему это жизненно необходимо, потому что вслед за вашей властью опять придут реквизиции, террор, разверстка, разброд и полное разорение деревень, не позволяло приволжскому крестьянству предвидеть, что если оно не сможет свергнуть Советской власти, то в истекшем году будет 10 миллионов голодных смертей на Поволжье. Если бы они это предвидели, они боролись активно против вас...

...От политики устали, было достаточно того, что не было большевиков с чрезвычайками, парализующими всякую деятельность, и этим довольствовались. И не понимали, что нужно творчески создавать самим непосредственно свою жизнь, защищать этот новый строй, отстаивать от вас, и тогда можно только действительно прочно строить новый строй, и подвести основу к дальнейшему развитию. ...Каково было наше положение, с чем нам пришлось встретиться? ...С одной стороны – вы, под вашим гнетом вся остальная Россия, наступали на нас с вашими красноармейскими и всякими иностранными частями, – это фронт большевистский; с другой стороны – Колчак.

...Мы могли бы победить только в том случае, если бы этого действенного порыва трудовых масс, которого хватило бы и на то, чтобы закрепить власть, которую они создали, содействовать нам все время и дальше ее укреплять, продолжать работать над упрочением того государственного строя и того хозяйственного порядка и нашей экономической политики, которые старались мы провести»¹.

Рискнем высказать предположение, что просуществовуй Комуч несколько лет, в том числе и в условиях мирного времени, мы увидели бы совсем иную модель развития общества, чем коммунистическая. Нет сомнений, что эсеры уже шли и продолжили бы идти по тому пути, идя по которому некоторые европейские социалисты в послевоенное время пришли к тому, что называют «шведским социализмом» или «австрийским социализмом». Но в любом случае не следует кратковременную практику Комуча в условиях гражданской войны отождествлять с моделью «эсеровского социализма».

УДК 947.084

О.В. Коновалова

«ЧЕРНОВСКАЯ ГРАМОТА»: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ РАЗНОГЛАСИЙ В ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

В статье анализируются причины появления «черновской грамоты» – письма инструкции ЦК ПСР, подготовленной по инициативе В.М. Чернова в октябре 1918 г., и послужившей формальным поводом для государственного переворота адмирала Колчака в Сибири. На основе материалов из отечественных и зарубежных архивных коллекций автор анализирует позицию Чернова и рассматривает оценку его деятельности в партии эсеров.

Создание Директории явилось одним из переломных моментов в истории партии социалистов-революционеров и важной вехой гражданской войны в России. Можно рассматривать Директорию как один из вариантов объединения демократических сил в борьбе против большевистской диктатуры. Вместе с тем, левое крыло партии и партийный центр во главе с В.М. Черновым лишь условно признали Директорию. Критика политики Директории нашла отражение в так называемой «черновской грамоте» – директивном письме-

¹ Там же. – Л. 100–101, 103.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Фулбрайт (США) и Красноярского краевого фонда науки, грант 11F046C.

инструкции Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, составленном в октябре 1918 г. по инициативе Чернова. Это письмо послужило формальным поводом для переворота А.В. Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Почему Чернов выступил с этой инициативой, что он предлагал вместо Директории?

Намеченную IV съездом ПСР и VIII Советом партии тактическую линию, исключавшую возможность коалиции с либеральными партиями, эсерам в годы гражданской войны провести не удалось. Как признавал Чернов, «...в самые ответственные, критические моменты партии была навязана и от ее имени проводилась совершенно иная тактика: тактика коалиции направо, связывающая демократию по рукам и ногам компрометирующей связью с тайными и явными врагами демократии»¹. Под влиянием межпартийных объединений Союза Возрождения России и Правого Центра эсеры на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. вступили в коалицию с кадетами и образовали Директорию².

Несомненно, были серьезные причины, толкнувшие партию к соглашению. Необходимость объединения военных, материальных, людских резервов в борьбе с большевизмом в период начавшегося поражения Волжского фронта в первую очередь объясняет стремление части эсеров к тактике «единого фронта».

Рассматривая большевиков, подписавших сепаратный мир с Германией, как прозелитов немцев, эсеры полагали, что выступление против них неизбежно приведет к возобновлению войны с Германией и восстановлению Восточного фронта. В этом вопросе они рассчитывали на помощь союзников по Антанте. Стремление к открытию Восточного фронта объективно требовало объединения всех сторонников данной позиции и сил перед лицом союзников. Установка эсеров на защиту идеи Восточного фронта объективно способствовала увеличению роли союзников в решении политических вопросов.

Эсеры столкнулись с определенными трудностями при организации системы управления на территории Комуча, поэтому ставка на составление политической комбинации, в рамках которой были возможны объединение политических государственно-мыслящих сил и создание эффективного механизма государственного управления, также являлась одним из лейтмотивов, способствующих складыванию коалиции. Политическая коалиция должна была, как предполагалось, устранить недостаток однопартийности власти и способствовать расширению социально-политической базы антибольшевистских сил.

Немаловажную роль в создании Директории сыграли и личные амбиции некоторых эсеровских лидеров. Н.Д. Авксентьев, активно выдвинувшийся на лидерские позиции в партии и сыгравший немаловажную роль в сохранении коалиционной линии в 1917 г., претендовал на значительную роль в российской политике. Активно участвуя в политических союзах, создаваемых на личных основаниях, он рассчитывал на самые высокие должности в предполагаемом российском правительстве. Получив в ноябре 1917 г. от А.Ф. Керенского полномочия на составление нового правительства, он содействовал в свое время «расстройству» политической комбинации, предпринимаемой Викжелем, ЦК и Общеармейским комитетом в Могилеве, предлагавшими создать однородное социалистическое правительство во главе с Черновым.

Для лидера правого крыла эсеровской партии Н.Д. Авксентьева, который явился «душой» новой коалиции и претендовал на роль «главного» руководителя партии, это был своеобразный «звездный час». Как отмечал в комментариях к протоколам заседания ЦК партии эсеров Чернов, рост неудовлетворенного честолюбия «этого все более переоценивающего свои силы человека, мечтавшего унаследовать как теряемую Керенским популярность, так и его исключительное место по «возглавлению» революции», привел его в

¹ Чернов, В.М. Из итогов прошлого опыта / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1922. – №23. – С.5.

² Межпартийные объединения Союз Возрождения России и Правый Центр были образованы в марте 1918 г. для организации антибольшевистского движения. Построенные по «персональному принципу» через голову партийных центров они состояли из представителей кадетов, народных социалистов, членов правого крыла эсеровской партии и беспартийных из числа военных, торгово-промышленных кругов и кооператоров. Основные положения программы коалиционных союзов включали создание на контролируемой территории сильной власти в виде Директории, при этом не исключался созыв Учредительного собрания, полномочного лишь санкционировать созданную власть. Фактически эта программа и была реализована в сентябре 1918 г. на Уфимском государственном совещании. Эсеровский ЦК относился отрицательно к вступлению членов партии в коалиционные организации, но прямого запрета на вступление не наложил. Как пояснял свою позицию Чернов, ЦК и он в это время были введены в заблуждение и считали Союз Возрождения «невинным политическим клубом» (Чернов, В. Из итогов прошлого опыта / В. Чернов // Революционная Россия. – 1922. – №23. – С.7). Однако при первом обсуждении вопроса о взаимоотношении партии и Союза летом 1918 г. в Самаре была принята резолюция, в которой заявлялось, что официальных представителей партии в Союзе нет и быть не может и партия не несет ответственности за действие отдельных членов, вступивших в эту организацию без ее ведома. В сентябре 1918 г. по инициативе Чернова ЦК ПСР была принята резолюция, осуждающая эсеров, принимающих участие в деятельности Союза Возрождения России.

кресло председателя уфимской Директории»¹. В идейно-политическом отношении, подчеркивал Чернов, Авксентьев продолжал «неокадетскую» линию поведения, стремясь объединить либеральные и революционные элементы теперь уже в борьбе с большевизмом. «Героиней его идейно-политических устремлений» становится реализация идеи коалиции².

Директория стала возможной, поскольку в эсеровской партии снова возобладали разногласия и верх взяли правые элементы. В период решения вопроса о создании Директории эсеры жаловались, что «в партии оказалось какое-то двоецентрие»: одни директивы получали от ЦК, другие – от бюро фракции Учредительного собрания. Бюро, с Рудневым во главе, в сущности, вело ту же линию, что и Союз Возрождения³. Члены Союза Возрождения от эсеров и представители эсеровской фракции Учредительного собрания сыграли практически дезинтегрирующую, дезорганизирующую роль по отношению к партии при подготовке и проведении Уфимского совещания, внося в среду эсеров разногласия, подталкивая к принятию решений, противоречащих основным стратегическим партийным установкам⁴.

«На нашу беду, – писал Чернов, – самые крупные силы из ЦК до последнего времени оставались по ту сторону фронта, а, между тем, налицо были в избытке самые правые или за последнее время стремительно поправевшие члены нашей партии». В этом вопросе партии просто «систематически не везло»⁵. На наш взгляд, дело было не столько в невезении, сколько в определенной политике и деятельности Союза Возрождения. Как вспоминал С.П. Мельгунов, Союз Возрождения весной-летом 1918 г. занимался тем, что «переправлял силы, главным образом, на восток, отчасти на север, где ожидал десант». При этом «контроль осуществлялся не только с точки зрения добросовестности, но и политический, с точки зрения ориентации»⁶. Поэтому неудивительно, что на освобожденной от большевиков территории преобладающее влияние получили правые элементы эсеровской партии, тесным образом связанные с пресловутым союзом.

Чернов добрался до Самары в двадцатых числах сентября 1918 г., когда вопрос о Директории был уже решен. По поводу причин его отсутствия на Уфимском совещании в партии было выдвинуто несколько версий. Лидер эсеров был глубоко убежден, что причины его опоздания кроются в исключительно неблагоприятном стечении обстоятельств, и ни в коем случае ни в чьей-либо «интриге»⁷. Член ЦК ПСР М.И. Веденяпин утверждал, что В.И. Лебедев, приехав в Самару, заявил, что «...ЦК партии постановил задержать В.М. Чернова в пределах Советской России и не пускать за Волгу»⁸. Н.Д. Авксентьев по этому поводу писал, что «...члены ЦК ПСР, бывшие на Уфимском Совещании, и по праву, данному им пленумом ЦК, представлявшие весь ЦК и партию, пользуясь всякими доводами, держали нашего косоглазого друга (В.М. Чернова. – К.О.) под спудом, не «допуская» его в Уфу. Он так туда и не явился, но под конец совещания все же оказался

¹ Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 г. – март 1918 г.) с комментариями В.М.Чернова (Вопросы истории. – 2000. – №7. – С.7–8).

² Чернов, В.М. Н.Д. Авксентьев в молодости / В.М. Чернов // Новый журнал. – Нью-Йорк. – 1943. – №5. – С.351.

³ Комментируя причины разногласий между ЦК и руководящим ядром фракции Учредительного собрания, Чернов отмечал, что состав ЦК был избран на IV съезде, «подведшим итоги конечному провалу правого, близкого к Керенскому руководства» был результатом «сдвига партии налево», тогда как «состав фракции Учредительного собрания был predetermined характером местных списков, составленных в эпоху наибольшей силы правого руководства». Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 г. – март 1918 г.) с комментариями В.М.Чернова (Вопросы истории. – 2000. – №9. – С.11).

⁴ Об этом пишут: Чернов в статье «На фронте Учредительного Собрания» (ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2, л.40, 29) и Веденяпин в отчете ЦК ПСР (ГАРФ, ф.144, оп.1, д.21, л.21).

⁵ ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2, л.30.

⁶ Мельгунов, С.П. Воспоминания и дневники / С.П. Мельгунов; под ред. Ю.Н.Емельянова. – М., 2003. – С.334–335.

⁷ ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2, л.32. По поводу непредвиденной задержки Чернов поясняет: «Я хотел избрать себе пунктом для выжидания событий г. Самару, в окрестностях которой уже мне приискали квартиру... Но товарищи по ЦК, на основании вестей от Поволжского Областного Комитета, предполагавших, что центром движения станет Саратов, настояли на перемене этого решения. Я долго спорил, но затем уступил – в чем потом раскаивался... Эта перемена была фатальной» (ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2 (16), л.1-2). О таком стечении обстоятельств говорится также в статье Чернова ««Черновская грамота» и Уфимская Директория» (International Institute of Social History (Amsterdam) далее I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.4) и его воспоминаниях (Чернов, В.М. Перед бурей / В.М. Чернов. – Нью-Йорк, 1953. – С.373). Действительно первоначально центром антибольшевистского восстания был избран Саратов, но начатое там выступление 16 мая было подавлено. Возможно, информация о подавлении восстания не дошла до ЦК и поэтому Чернов был направлен в Саратов.

⁸ ГАРФ, ф.144, оп.1, д.21, л.14.

в Самаре»¹. Представитель левого фланга эсеровской партии М.Л. Коган-Бернштейн тоже был убежден, что отдельные члены ЦК «...ровно ничего не делают для организации переезда председателя Учредительного собрания на территорию Учредительного собрания, что это не случайно, и что кому-то, очевидно, вовсе не улыбается появление в Самаре В.М. Чернова, как сильной помехи для той сдачи партийных позиций, которая здесь готовится»². Сомнительно, чтобы состав ЦК 4 июня 1918 г., постановив как можно быстрее переправить Чернова в район восстания, сознательно ему мешал. Вместе с тем, нельзя исключать и возможность того, что отдельные члены партии, примыкавшие к Союзу Возрождения, могли подать неверную информацию ЦК. В условиях военного времени для того, чтобы задержать Чернова на территории Советской России, не обязательно было «вставлять палки в колеса», достаточно было не оказать помощь при переходе через линию фронта. Так или иначе отсутствие в Уфе среди эсеров сильных фигур, противостоящих политике «коалиции направо», сыграло немаловажную роль в заключение компромисса и образовании Всероссийского правительства.

Новая коалиция была построена не по партийному, а персональному принципу. Как писал В.М. Зензинов, «...члены правительства... должны были быть совершенно свободны и независимы в своей деятельности» от партий»³. Анализируя персональный состав Директории на основе имеющихся данных в начале 20-х гг., Чернов отмечал, что вопрос о кандидатурах в будущее российское правительство решался на заседаниях Союза Возрождения и Национального Центра летом 1918 г.⁴ На Уфимском Совещании победил Союз Возрождения. Из пяти членов Директории четыре – Астров, генерал Болдырев, Чайковский и Авксентьев – являлись официальными кандидатами и членами этого союза, Вологодский по политическим взглядам оказался еще правее их⁵.

С приездом Чернова в Самару сложился кворум ЦК, позволявший созвать Пленум ЦК. Наряду с самим Черновым, в ЦК входили Н.И. Ракитников, Ф.Ф. Федорович, В.А. Чайкин, М.Я. Гендельман, М.А. Веденяпин, Д.Ф. Раков, К.С. Буревой, Н.Н. Иванов и вошедший в состав Директории В.М. Зензинов.⁶ Пленум ЦК должен был дать оценку результатов Уфимского государственного совещания. Обсуждение ситуации членами ЦК началось в Самаре, а затем продолжилось в Уфе.

На пленуме обозначились две точки зрения. Первую высказал член ЦК, «главный руководитель со стороны социалистов-революционеров в работах согласительной комиссии Уфимского совещания» М.Я. Гендельман⁷. Он полагал, что итоги совещания следует рассматривать как победу эсеров, отстаивавших принцип действительности первого состава Учредительного собрания и получивших два персональных места во Всероссийском правительстве.

Вторая точка зрения была представлена Черновым. Итоги Уфимского государственного совещания, ограничивавшего полномочия Учредительного собрания, Чернов оценил как тяжелое поражение демократии, «прямо ведущее партию и демократию к неминуемому падению». «На путь казавшейся мне самоубийственным, люди уже вступали и возврата не было», – вспоминает Чернов в середине 20-х гг. XX в.⁸

По мнению Чернова, «...принцип Учредительного собрания был не спасен, а сдан без борьбы». «Управление страной самодержавно и без Учредительного собрания, и вообще без всякого народного представительства» значит, по его мнению, «против левой, красной диктатуры воздвигнуть такую же деспотическую, но только правую, белую диктатуру»⁹. Сама Директория рассматривалась им как последняя ступенька на пути к установлению единоличной диктатуры, которая являлась «не противоядием и не предохранительной мерой против военной диктатуры, а напротив, естественной исторической ступенью к бонапартизму»¹⁰.

¹ Пролетарская революция. – 1921 – №1. – С.117; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Ч.2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М., 2000. – Т.3. – С.413.

² Цитата по статье В.М. Чернова «На фронте Учредительного Собрания» (ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2, л.32). См. также: Буревой, К. Распад / К. Буревой. – М., 1923. – С. 46–47.

³ Зензинов, В.М. Правда о неправде / В.М. Зензинов // Общее дело. – 1919. – 22 апреля; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Ч.2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М., 2000. – Т.3. – С.407.

⁴ Чернов, В.М. Из итогов прошлого опыта / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1922. – №23. – С.8–9.

⁵ I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.9.

⁶ I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.4; Чернов, В.М. Перед бурей / В.М. Чернов. – Нью-Йорк, 1953. – С.374.

⁷ I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.5.

⁸ Чернов, В.М. Историк или истерик? (О г. Мельгунове) / В.М. Чернов // Воля России. – 1925. – №3. – С.108.

⁹ I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.13.

¹⁰ Чернов, В.М. Перед бурей / В.М. Чернов. – Нью-Йорк, 1953. – С. 376–377, 378–379; Чернов, В.М. Историк или истерик / В.М. Чернов // Воля России. – 1925. – №3. – С.108.

Чернов полагал, что коалиция с кадетами в новых политических условиях неприемлема, поскольку окончательно дискредитирует партию в глазах народных масс и способствует торжеству большевизма¹. Коалиция во власти без реальной коалиции в стране социальных групп, раздираемых противоречиями, висит на волоске. Она не может быть эффективной, так как между вступающими в коалицию силами существуют «антагонистические» противоречия. «Самара вела линию на развитие основных начал мартовской революции». Целью омского правительства стало восстановление дореволюционных порядков. «Омск стоял под знаком реставрации»².

Что предлагал Чернов взамен Директории? Он понимал, что в условиях гражданской войны собрать Учредительное собрание в полном виде не удастся, но зато возможно созвать «членов Учредительного собрания освобожденных местностей». На освобожденных от большевиков территориях будут создаваться «местные комитеты членов Учредительного собрания», которые, объединившись «в Учредительное собрание освобожденной местности», избирают центральную власть в виде временного «правительства освобожденных территорий», ответственного перед своими избирателями. Как подчеркивал Н. Ракитников, «...эта ответственность, по нашему мнению, не ослабила бы, а усилила правительство, давая ему гарантию широкой народной поддержки»³.

Практически лидер эсеров в этом проекте отстаивал выдвигающуюся ранее эсерами идею парламентской республики, но с тем отличием, что таким парламентом предлагал считать либо первый состав Учредительного собрания, либо вновь избранный – второй. Правда, при этом закономерно возникал вопрос, на каких принципах должно быть организовано ответственное правительство. Если в основу организации власти будет положен мажоритарный принцип, тогда правительство формирует победившая на выборах партия (эсеры), если пропорциональный – тогда получается новый вариант коалиционного правительства. Известно, что к этому времени Чернов отрицательно относился к идее коалиции с кадетами. Но не отвергал принципа коалиции вообще. «Если завтра же будут назначены новые выборы в местное Учредительное собрание Приуралья и Сибири и Директория согласится признать себя перед ним ответственной, то мы защищать прав прежнего состава не будем» – предлагал своеобразный компромисс Чернов⁴.

Насколько мог быть удачным предлагаемый таким образом черновский вариант организации власти в период гражданской войны? С точки зрения соблюдения демократических принципов народовластия, представительства интересов территорий, яркой демонстрации приверженности эсеров демократическим принципам, наверное, он был оптимальным для того времени. Основная критика черновского проекта организации власти сводилась к тому, насколько целесообразно в условиях военных действий и жесткого противостояния создавать правительство, чьи возможности ограничены ответственностью перед избирателями. Трагедия Чернова и демократических сил в России заключалась в том, что в гражданской войне он и примыкающая к нему группа эсеров не могли встать на позицию признания принципов диктатуры, несмотря на, казалось бы, неизбежную целесообразность такого решения. Ибо интуитивно чувствовали, что такая установка неминуемо вела к обезличиванию партии эсеров и растворению ее либо среди «белой» либо «красной» диктатур. Неизбежность первого варианта развития событий наглядно продемонстрировала судьба Директории.

На пленуме ЦК в октябре 1918 г. по инициативе Чернова было принято решение поддержать создание Директории, не отказавшись от права критики ее политики. Эта позиция была одобрена Съездом членов Учредительного собрания. Тактику, предложенную Черновым, Н.Д. Авксентьев назвал «политикой «постольку-поскольку». По его мнению, такая линия поведения «...не считаясь ни с соотношением сил, ни с необходимостью упорной и настойчивой работы», ослабляла власть и отдавала ее «на растерзание большевизму справа»⁵. В принципе, на наш взгляд, лидер правых Авксентьев в этом случае явно преувеличивал отрицательные стороны занимаемой Черновым позиции. Более того, для правых эсеров такое поведение Чернова было вполне предсказуемым. По-прежнему, как и в 1917 г., Чернов продолжал придерживаться центристских

¹ Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 г. – март 1918 г.) с комментариями В.М.Чернова // *Вопр. истории.* – 2000. – №7. – С.8.

² ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2, л.28.

³ *Ракитников, Н.* Временное правительство / *Н. Ракитников* // *Дело народа.* – 1918. – №2. – С.1.

⁴ I.I.S.G, архив *В.М. Чернова*, д.45 (е), л.12-13; *Чернов, В.М.* Перед бурей / *В.М. Чернов.* – Нью-Йорк, 1953. – С.378–379.

⁵ Письмо Авксентьева к с.-р. юга России (Париж, 31 октября 1919 г.) // *Пролетарская революция.* – 1921 – №1. – С.116–117; *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* Ч.2.Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М., 2000. – Т.3. – С.413.

позиций. Полагая, что Директория – это ошибочный путь, он, тем не менее, не пошел по дороге открытого разрыва центристской части партии с правыми элементами, однозначного отрицания Директории и непризнания, хотя на этом настаивали левонастроенные деятели ЦК (Коган-Бернштейн, Чайкин). Свою задачу он видел в сохранении партией занятой на Уфимском совещании позиции, полагая, что дальнейшие уступки правым силам будут способствовать потере партией социально-политической базы.

Вместе с тем, к октябрю 1918 г., то чего опасался Чернов, стало осуществляться. Всероссийское правительство под председательством Н.Д. Авксентьева пошло на ряд существенных уступок Сибирскому правительству. Директория принимает решение перебраться в Омск, где целиком власть принадлежала Сибирскому правительству вместо того, чтобы выбрать Екатеринбург, где предполагалось находиться Съезду Учредительного собрания. Современники отмечали, что в то время в Омске царила своеобразная атмосфера интриг, заговоров и «мексиканских» нравов, при которых «неудобные люди исчезали среди бела дня бесследно, похищенные или убитые неизвестно кем»¹. Решение в этих условиях Авксентьева переехать в Омск, да к тому же отказаться от помощи чехов в решении политических вопросов было просто самоубийственно. «Авксентьев, по словам Чернова, решил «двинуться прямо в логовище зверя», применяя тактику «политического «обволакивания» опасных для демократии элементов»².

Под давлением Сибирского правительства Директория согласилась на образование Совета министров, куда вошли целиком так называемый Административный совет Сибирского правительства и министры Сибирского правительства. Таким образом, «Сибирское правительство превратилось во Всероссийское. Ни один социалист не вошел в Совет министров». Состав министров был полной неожиданностью для Совета Управляющих (образованного вместо Комуча) и для ЦК эсеров³. Члены Директории взяли в свои министры Ивана Михайлова, замешанного в убийстве министра-эсера Новоселова. «Хотя, – по словам Зензинова, – и понимали прекрасно, что Михайлов окажется для Всероссийского правительства роковым человеком, что он погубит Всероссийскую власть»⁴. Зензинов в своем дневнике писал, что «...сибирский Административный совет решил взять нас измором и, взяв фактически в свои руки всероссийскую власть, превратить нас в декорацию»⁵.

Директория в вопросе организации военных сил встала на точку зрения Сибирского правительства, ратующего за возврат к порядкам старой армии – «восстановление погон и дисциплины старого типа», запрещение идеологической работы в войсках⁶. Наконец, самой грубой политической ошибкой Директории Чернов считал роспуск всех областных правительств (Комуча, башкирского, киргизского, туркестанского, Екатеринбургского) и Сибирской Областной Думы. Всероссийское правительство рубило сук, на котором сидело: с роспуском демократических правительств и думы оно теряло реальную силу и социально-политическую опору, осталось совершенно бессильным перед лицом Административного совета Сибирского правительства, готовящего Колчаковский переворот⁷.

Указание всех ошибок и просчетов Директории нашло отражение в «черновской грамоте». По настоянию Чернова 22 октября 1918 г. ЦК ПСР издал циркулярное письмо к партийным организациям с критикой результатов Уфимского совещания и политики Директории, заявив, что последняя будет поддерживаться партией при условии, если она будет носить последовательно демократический характер и в ее войсках будут созданы условия для свободной пропаганды эсеровских взглядов. Письмо ЦК ПСР было резко отрицательно встречено правыми эсерами, входившими в Директорию. Авксентьев назвал «черновскую грамоту»

¹ I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.29, 31. См. о нравах в Омске до переворота Колчака: Допрос Чрезвычайной Следственной Комиссии бывшего Верховного Правителя России адм. Колчака: стенограф. отчет. – Иркутск 27.II-6.II. 1920 г.– Допр. №7 и №9; Вишняк, М.В. На Родине / М.В. Вишняк // Современные записки. – 1921. – №3. – С. 284–285.

² I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.48; См. также об этом: Гуревич, В. Реальная политика в революции / В.Гуревич // Воля России. – 1923. – №14. – С.18.

³ Об этом говорит в своем отчете М.И. Веденяпин. ГАРФ, ф.144, оп.1, д.21, л.28-29.

⁴ Цит. дана по статье Чернова «Черновская грамота» и Уфимская Директория» (I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.20). О такой позиции Зензинова говорит Гинс. См.: Гинс, Г.К. Сибирь, союзники и Колчак / Г.К. Гинс. – Пекин, 1921. – С.265–266; 274–275.

⁵ Цит. дана по отчету М.И. Веденяпина. ГАРФ, ф.144, оп.1, д.21, л.30.

⁶ Ко всем партийным организациям. Обращение ЦК ПСР 22 октября 1918 г. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Ч.2.Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М., 2000. – Т.3. – С.394.

⁷ I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.33-34.

«последним гвоздем в гроб Директории». Призыв ЦК к вооружению членов партии для борьбы с реакционными силами он считал «лучшим подарком реакции»¹. Монархические силы истолковали это письмо как призыв эсеров к вооруженному восстанию против Директории и использовали его как повод для переворота.

Чернов считал обвинения Авксентьева несостоятельными. «Возможно, что опубликование нашего документа несколько ускорило уже вполне подготовленное выступление заговорщиков, желавших предупредить наши приготовления к отпору», – признавал Чернов². Судьба Директории была предопределена ее ошибками и просчетами. «Колчаковский заговор только спас Директорию от естественных последствий ее военной негодности... Но спас только в том смысле, что ее неминуемое поражение перенял на свои собственные плечи»³.

Установившаяся 18 ноября 1918 г. диктатура А.В. Колчака и начавшиеся репрессии против эсеров подтвердили предвиденье Чернова относительно перспектив Директории. Белогвардейская диктатура, опиравшаяся на реакционное офицерство, реставрировала монархические порядки.

Совершенно очевидно, ситуация в Сибири и без «черновской грамоты» привела к установлению военной диктатуры. Бесперспективность политики Директории осознавали и сами члены Всероссийского правительства. В 1920 г. В.М. Зензинов писал: «Правы, увы, оказались те из социалистов, которые остались в меньшинстве и предостерегали против коалиции с буржуазией, заранее убежденные в коварстве и измене последней, в неспособности понять глубокий смысл происходящих революционных событий. История оправдала их недоверие»⁴.

Апрельский пленум и IX Совет партии в июне 1919 г. осудили коалицию с кадетами. Для тщательного расследования причин отклонения от партийной тактики и для установления ответственных лиц на IX Совете партии была избрана специальная следственная комиссия⁵. «Уфимское совещание и тактика Директории вошли в сознание партии общепризнанным образцом того, как не надо вести партийную политику, а эсеровские деятели Директории лишились в партийной среде всякого авторитета», – подчеркивал Чернов⁶.

УДК 947. 084

О.Ф. Гордеев

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА В РОССИИ (МАРТ–ОКТЯБРЬ 1917 г.): ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

С самых незапамятных времен люди искали эффективные и достойные разумного человека формы управления обществом. Проходили века, миновали тысячелетия. Человечество шло непростым, противоречивым путем общественного развития. Менялись формы собственности и способы производства, типы государственного устройства и институтов власти. Но никогда не исчезало, да и не могло исчезнуть, постоянное стремление людей к социально-правовому равноправию, к участию во всех государственных и общественных делах (политике, экономике, экологии, морали и т.п.).

Об одной из исторических идей народовластия и реформирования государственного правового строя размышляет автор статьи.

Вековая борьба человечества за воплощение идеи народовластия породила немало политических систем и институтов. В XVIII в., как полагает Н.Г. Королева, «...возникла представительная форма парла-

¹ Письмо Авксентьева к с.-р. юга России (Париж, 31 октября 1919 г.) // Пролетарская революция. – 1921 – №1. – С.116–117; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Ч.2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М., 2000. – Т.3. – С.413.

² Чернов, В.М. Перед бурей / В.М. Чернов. – Нью-Йорк, – 1953. – С.390.

³ I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.25–26.

⁴ Зензинов, В.М. Немножко истории (К вопросу о коалициях) / В.М. Зензинов // Воля России. – 1920. – №67. Цит. по: Чернов, В.М. Историк или истерик / В.М. Чернов // Воля России. – 1925. – №3. – С.108.

⁵ Чернов, В.М. Из итогов прошлого опыта / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1922. – №23. – С.5; I.I.S.G, архив В.М.Чернова, д.45 (е), л.62.

⁶ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.69, л.433.